

Иван Лекс
**Ночная
смена**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Лекс

Ночная смена

<https://litres.ru/74603432>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люди начали останавливаться посреди улицы — с пустыми глазами и без воли. Государство вводит аукционы и открывает Министерство счастья. Машинист метро, у которого не осталось ничего, кроме вредных привычек и расписания, выясняет: именно вредные привычки теперь и держат человека на ногах. Истории о мире, который забыл, зачем жить, — и о тех, кто решил ему напомнить.

Содержание

Начинать лучше с начала...	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Иван Лекс

Ночная смена

Начинать лучше с начала...

Я работаю под землёй. Я управляю железными змеями. Пока вы ещё спите, до рассвета, я уже бываю на ногах и направляюсь туда, куда обычным людям вход запрещён. Так было и сегодня. Город ещё спал, и спал крепко: окна стояли тёмные, глухие, и лишь в одном, на восьмом этаже панельки через дорогу, мерцал голубоватый свет телевизора — кто-то не спал, смотрел ночные новости или просто боялся темноты. Мои шаги звучали слишком громко, отзывались от стен домов, и пару раз мне чудилось, будто где-то за спиной шагает кто-то ещё, в такт мне. Стоило оглянуться — и улица была пуста. Всегда пуста. Я топал по пустынной улице к депо. Майский ветерок пытался забраться под куртку и доказать, что он не хуже мартовского может принимать холодом до костей. Но получалось у него плохо. Да и пах он не так, как мартовский. Мартовский пах мокрым асфальтом и талым снегом, а этот — свежей листвой, пылью и чем-то ещё, чему я не мог подобрать слова. Может быть, самым летом, которое уже стояло где-то за углом и выжидало. На улице было то, что даже утренними сумерками назвать было сложно. Уже вот-

вот солнце должно было появиться из-за горизонта. Небо на востоке наливалось тусклым светом, как экран, который вот-вот включают. Я любил эти минуты: город в них принадлежал мне одному — ну, может, ещё дворнику у арки, который проводил меня равнодушным взглядом человека, повидавшего всё. Мне нравилась моя работа. Я пришёл сюда осознанно. Не по чьей-то указке и не от безысходности — сам, по зову, если угодно. Те, кто работал в метро, со временем начинали ценить каждый миг на поверхности. Первые месяцы этого не понимаешь. Понимаешь потом — когда ловишь себя на том, что стоишь посреди улицы и просто смотришь, как светит солнце, будто видишь его впервые. Моя работа была ответственной — я машинист состава. Именно я тот человек, который возит вас по тёмным туннелям. Сотни людей в день доверяют мне свои жизни, даже не подозревая об этом. Вы стоите у двери, листаете ленту в телефоне, думаете о своём — а ваша жизнь в это время лежит на моём пульте, под моей ладонью. Вы могли видеть меня: иногда машинисты меняются прямо на станции, один быстро выскакивает из кабины, другой занимает его место. И всё это происходит, пока вы выходите или заходите в вагон. Мы знаем друг друга, но иногда не разговариваем месяцами. Между нами только лёгкий кивок головы при смене людей в кабине, означающий, что всё нормально, можно работать. Порой мне казалось, что мы, машинисты, — не столько люди, сколько функции: приложил пропуск, кивнул, поехал. А человек где-то под функ-

цией — спрятан глубоко, как безбилетник от контролёра.

Но сегодня я начинал день в депо. Такое тоже бывает. Депо встретило меня привычным гулом: где-то с лязгом ползли по рельсам составы, пахло мазутом, озоном и нагретым металлом — запах большого железного зверинца, в котором я знал каждую клетку. Я прошёл медосмотр, получил все необходимые разрешающие документы. Сонная медсестра измерила давление, велела дыхнуть в трубку, заглянула в глаза — ежедневный ритуал доказательства, что я живой, здоровый и трезвый. Живой — главное, остальное приложится. Прошёл короткий инструктаж по общему состоянию дел в метро. И отправился принимать состав. Я обошёл свою змею снаружи, от хвоста к голове, как положено: фары, стёкла, борта. Она стояла тихая, тёплая, чуть пощёлкивала металлом, и мне, как всегда, почудилось, что она меня узнала. Глупости, конечно. Машина есть машина. Но спросите любого, кто давно водит составы: у каждой змеи свой характер. Всё, как всегда, было хорошо. Уже через каких-то сорок минут я вёл свою железную змею под землёй.

Впереди меня ждали увлекательные часы наблюдений за тем, как непроглядная темень туннеля сменяется ярким светом станций, за людьми на этих станциях, такими разными. За эти годы я научился читать платформы, как книги. Вот шумит компания студентов — им весело и не спится. Вот женщина с чемоданом смотрит на часы каждые десять секунд — едет на вокзал и боится опоздать. Вот старик в чи-

стом выглаженном костюме едет круг за кругом просто так, потому что дома его никто не ждёт. Кто-то улыбался, кто-то ругался, некоторые были настолько апатичны, что легко можно было подумать, будто у человека два стеклянных глаза вместо настоящих. На таких я старался не смотреть в упор. Порой чудилось: взглядишь подольше — и за стеклом этих глаз не окажется никого. Пустота, аккуратно одетая в пальто. А ещё, не знаю почему, мне безумно нравился запах метро и его сквозняки. Это даже не запах, а целый букет: каменная пыль, горячая изоляция, тепло тысяч человеческих тел и ни с чем не сравнимый дух туннеля — холодный, глубокий, из тех мест, где никогда не бывало солнца. А сквозняки — это дыхание метро: состав выталкивает перед собой воздух, как поршень, и на платформе взлетают бумажки и женские волосы. Метро дышит — значит, живёт. В кабине запах и сквозняк почувствовать было невозможно, но память оживляла ощущения каждый раз. Моя смена была утренней и длилась восемь часов. Кому-то в офисе восемь часов могут показаться вечностью. Для меня же они пронеслись как один миг — вот что значит заниматься любимым делом. Руки делали всё сами: контроллер, тормоз, двери. А голова в это время плыла где-то рядом, свободная, как состав накатом.

Утренние смены имели свои преимущества. К полудню я уже был свободен. Я вышел на поверхность и привычно зашурился, как крот: после мерцания туннельных ламп солнце

казалось чужим, слишком ярким, слишком настоящим. Но знаете что? Для меня это было не такое уж и преимущество. Моя бы воля — я провёл бы в метро гораздо больше времени. Но техника безопасности и охрана труда были не на моей стороне. Восемь часов — и ни минутой больше. Правила есть правила, и я их понимал: уставший машинист — не работник, а риск. И вот теперь представьте: будний день, май, полдень, вы полностью свободны до вечера. Казалось бы — делай что хочешь, это ли не радость? Вот только делать что хочешь надо было в одиночестве, ведь все остальные люди, как и ваши друзья, работали на обычных работах, с обычным графиком. Город в будний полдень — странное место. В нём остаются старики, мамы с колясками, курьеры и такие, как я: люди, выбитые из общего расписания. Мы снова-таки меж остальных, как привидения, — нас вроде видели, но в упор не замечали. Иногда я думал: исчезни я прямо сейчас, посреди этой улицы, — город и не вздрогнет.

Придумать себе занятие на целый день иногда было пыткой. Пить пиво рано, лечь ещё поспать уже поздно. Я часто просто бродил по улицам города до вечера, слушая любимую музыку в наушниках. Музыка была моим коконом. Наденешь наушники — и город превращается в кино без звука, кино, снятое лично для меня: вон бежит опоздавший мужчина в пиджаке, вон ругаются водители у подъезда, вон голуби делят корку. Мне нравилось быть зрителем. Зрителю не обязательно участвовать. Иногда строил хитрый маршрут до

дома, с остановками на кофе и сигарету. Так было и сегодня. Четырёхчасовая дорога до дома с двумя остановками. Кофе я брал в одной и той же жёлтой будке у сквера — девушка за окошком знала меня в лицо и уже не спрашивала, какой. Сигарета — на лавочке у пруда, откуда при моём приближении не спеша уплывали утки. Маршрут был отработан до мелочей, как у поезда: остановка, двери, отправление. Взял пару банок пива в магазине у дома. Заказал готовую домашнюю еду с доставкой на дом. И поднялся в свою цитадель одиночества. Однушка на седьмом этаже. Лифт, пахнущий кошками и чужими супами. Дверь, которую я открывал и тут же закрывал за собой на оба замка. Цитадель не принимала гостей — гости, впрочем, и не рвались. Там меня ждал только едва начатый сериал, который мне не очень-то и нравился, но раз уж я начал, то надо досматривать. Я уже плохо помнил, кто там кого и за что, но люди на экране бегали, спорили, целовались — и этого было достаточно. Фон. Уютный человеческий фон в пустой квартире.

Еда была съедена, одна банка пива прикончена, вторая как раз в руке. Как всегда по вечерам, когда мозг не занят на сто процентов чем-то интересным, он начинает генерировать тревожные мысли. Так было и в этот раз. Правильно ли я живу? Неужели все остальные живут так же? Это же бесконечный день сурка. А может, и хуже того: не день сурка, а плёнка, которую крутят по кругу. Те же станции, те же лица, тот же кофе в жёлтой будке. И если смотреть внимательно, где-

нибудь обязательно найдётся склейка — место, где плёнку разрезали и клеили заново, не заботясь о том, заметит кто-нибудь или нет. Да нет, не может этого быть. Какой же это день сурка, когда завтра у меня будет дневная смена? Завтра будет унылым не только вечер, но и утро. Вот, уже разнообразие. Или нет? Мысль развернулась, как состав в оборотном тупике, и поехала по новому кругу. На этой мысли глаза мои окончательно закрылись под действием усталости. Сказался ранний подъём. Недопитая банка пива выскользнула из руки на пол, глухо ударилась об ковёр. Эх, теперь будет пивом вонять несколько дней, — подумал я и полностью погрузился в сон. И уже проваливаясь, в самый последний миг, я услышал — или мне почудилось, что услышал, — как где-то глубоко под домом, далеко внизу, глухо и протяжно прогремел поезд. Чего не могло быть никак: до ближайшей линии от моего дома было километра два.

Я лежал на кровати, укрывшись одеялом с головой. У мамы была сегодня вечерняя смена. Папа, как всегда пьяный, уже лежал колодой на кухонной диванчике и храпел. Храп доносился даже сквозь закрытую дверь — ровный, тяжёлый, с присвистом, и я привычно отбивал по нему пальцами ритм, как по рельсам. А мамы всё не было. Странная штука: во сне мне было лет семь, но где-то на самом краю сознания сидел нынешний, взрослый я и смотрел на всё это со стороны, как пассажир смотрит в окно вагона. Как же я её ждал. Прислушивался к каждому шороху в подъезде, с замиранием

сердца следил за движением лифта. В нашем доме лифт гу-
дел так, что его было слышно в каждой квартире: вот пополз
вверх, вот остановился, вот лязгнули двери. Я знал эту музы-
ку наизусть и ждал, что вот-вот она оборвётся на нашем эта-
же. А её всё не было. И тут я услышал тяжёлые шаги. Слов-
но кто-то бил большим молотом по бетонным плитам. Каза-
лось, звук шёл изнутри. Я понял, что мама больше не при-
дёт. Это не она. Её походка всегда была лёгкой и изящной,
даже с парой тяжёлых сумок в руках. Это была смерть. И,
кажется, она шла за мной. Детям вообще многое даётся про-
сто: никто не рассказывал мне, как ходит смерть, но я узнал
её с первого шага, как узнают родного человека. Я натянул
одеяло на голову ещё сильнее, так, что оно уже подворачива-
лось, как шапка, пытаюсь спрятаться от этого звука, не слы-
шать его больше. Одеяло в детстве — надёжнее любых стен:
все знают, что под него не может забраться никто и ничто.
Правило старое, как мир, и я верил в него всем нутром. Но
звук стал только сильнее. Звук. Шёл. Изнутри. Это был звук
ударов моего сердца. С каждым ударом смерть была на шаг
ближе ко мне. И я заплакал. Тихо, без завываний и всхлипы-
вания, как обычно режут дети. Я боялся, что если буду изда-
вать звуки, смерть услышит меня и придёт быстрее. Слезы
текли сами, горячие, противные, а я даже не вытирал их —
для этого пришлось бы пошевелиться. Помню, как услышал
поворот ключа в замочной скважине. Помню, какое облегче-
ние испытал, когда услышал мамины звуки — вздох по по-

воду пьяного бати, звяканье ключей. Смерть отступила без боя — растворилась в темноте прихожей, как будто её и не было. Так, кажется, и живут чудовища: до первого взрослого в комнате. Она зашла в комнату, а я решил притвориться спящим. От неё пахло холодной улицей и усталостью — лучший запах моего детства. Отодвинула одеяло с моей головы и звонко поцеловала меня в лоб. А потом ещё и ещё. И так до тех пор, пока звуки звонких поцелуев не превратились в звуки будильника.

Странный был сон. Я помнил этот момент из своего детства. Помнил наяву, а не только во сне: и храп бати, и гул лифта, и эти шаги — всё было по-настоящему, когда-то очень давно. И почему он всплыл во сне и именно сейчас? Ну да ладно, новый день — новые заботы. Через пару часов нужно было быть на дневной смене, а значит, надо привести себя в порядок, позавтракать и выдвигаться. Ковёр у дивана уже подсох, но пах по-прежнему кисловатым пивом. Несколько дней, как я и пообещал себе вчера. Как на зло, лампочка в ванной сообщила, что скоро ей придёт конец и начала предательски дрожать, слегка помигивая светом. Тень в углу от этих миганий вздрагивала и переползала с места на место, и я старался не смотреть в её сторону. Я быстро принял контрастный душ и вылез из ванной, вытирая голову полотенцем. Закончил с головой и перешёл к туловищу, когда ощутил странное чувство, вроде бабочек в животе. Или когда кажется, что что-то должно произойти, но ты не знаешь что —

хорошее или плохое. Что-то было не так в привычном утре в моей цитадели. Так, наверное, чувствует себя пёс за минуту до грозы: вроде всё на своих местах, а воздух уже другой. Глаза остановились на зеркале. По спине пробежала первая волна мурашек. Из отражения на меня смотрел совершенно незнакомый человек. Я вглядывался в эти черты и не находил в них ничего своего. Вообще ничего, до последней мелочи. Рука с полотенцем потянулась к зеркалу и протёрла его. Незнакомец никуда не исчез. А моя ли это была рука? Вторая волна мурашек вместе с холодом пролилась по спине. Страшно было даже не то, что в зеркале чужой. Страшно было другое: на долю секунды мне почудилось, что чужой здесь — я. А тот, в зеркале, настоящий, и это он поймал самозванца. Как давно я моргал последний раз? Может, стоит просто закрыть глаза и поддержать их так? Подумано — сделано. Я представил себе себя, пока держал глаза закрытыми. Собрал своё лицо по памяти, по кусочкам, как собирают прибор в темноте. Поборол страх и заставил себя открыть глаза обратно. Из отражения на меня уставилась моя привычная физиономия, только совершенно растерянная и немного бледная. Мозг быстро списал происшествие на последствия контрастного душа и решил дальше не заморачиваться, просто запомнить на будущее, что с холодной водой надо быть аккуратнее. Ну и ладно, ему виднее. Мозг вообще любит, когда всё разложено по полочкам: удивился, испугался, подписал бумажку «контрастный душ» — и пошёл даль-

ше. Тогда лёгкий завтрак и в путь, на ближайшую станцию метро с линейным пунктом.

Медосмотр и инструктаж были пройдены быстро. Рассказывать про утреннее происшествие на медосмотре я не стал. Одного раза слишком мало для тревоги. А вот для отстранения от работы хватило бы и одного слова. Такие вещи у нас не жалуют. Дождался своего состава. Кивнул коллеге-машинисту из ночной смены, и мы быстро поменялись местами. Тот самый кивок: «всё нормально, можно работать». Я ответил тем же — и мельком подумал: а нормально ли всё на самом деле? С составом всё было в порядке, и можно было начинать дневную смену. Коллега махнул рукой на прощание, и меня, мою железную змею и десятки пассажиров в ней поглотил вечный мрак туннеля. День шёл своим чередом, станции сменяли друг друга, руки делали свою работу на автомате, а мозг пытался идентифицировать утреннее происшествие как нечто знакомое. Любопытная штука: весь день я узнавал всех и вся без малейшего труда — станции, коллег, голоса в динамиках. Глючило ровно одно лицо. Моё собственное. Инсульт? Нет. Болезнь, при которой человек не может запоминать лица? Очень маловероятно. Коллег утром я узнал всех и с лёгкостью. Кратковременное сужение сосудов после контрастного душа, которое вызвало небольшое кислородное голодание мозга? Вот это уже больше похоже на правду. Мозг победно хлопнул папкой: диагноз поставлен, вопрос закрыт. Вдруг темнота туннеля резко сменилась

ярким светом. Глаза машиниста метро за годы работы успевают адаптироваться к частым переменам освещения. Но в этот раз свет был настолько ярким, что на какое-то время я ослеп. Белым, звенящим, ни на что не похожим — так, наверное, выглядит вспышка, в которой стораёт плёнка. На миг даже мелькнула дурацкая мысль про вчерашнюю склейку. А когда пришёл в норму, третья за сегодня волна страха посетила мой позвоночник. Из слабого отражения на лобовом стекле на меня смотрело то самое утреннее лицо из зеркала. Закрыть глаза и пересобрать себя заново, как утром, я не мог: за спиной, в вагонах, ехали десятки людей, и каждый доверил мне свою жизнь, даже не подозревая об этом. Свет станции растворил его. Дело было не в контрастном душе.

Остаток дневной смены доработал без инцидентов. Город спешил домой с работы, и я спешил вместе со всеми. Вечер по шаблону — кофе из жёлтой будки у сквера, пара пива, готовая еда с доставкой и всё тот же сериал фоном. В этот раз из шаблона выбивались только мысли в голове. Странное это было лицо: утром в зеркале, днём в отражении на стекле. Что-то было в этом лице знакомое. Сериал занимал фон унылыми диалогами, мозг рылся в памяти, пытаюсь найти кого-то похожего. Я перебирал лица, как перебирают карты в пасьянсе: коллеги, дежурные, давние знакомые, актёры из этого самого сериала. Всё мимо. И тут нашёл. Отец. Это был мой отец. Узнавание не хлестнуло, как положено в кино, а подкралось тихо, сбоку, и встало рядом как само со-

бой разумеющееся. Но неживой отец. Ну или почти неживой отец. Это было его лицо за день до смерти — глаза наполовину закатились под верхние веки, желтоватая тонкая кожа лица, впалые щёки, открытый рот. Я видел его таким — в больничной палате. Постоял у двери минуты две и ушёл. Не из жестокости — просто смотреть там уже было не на кого: человек ушёл раньше, оболочка осталась дожидаться поезда. Вот откуда он всплыл? И зачем? Я нейтрально пережил его смерть. Да ладно, надо быть честным с собой — мне было плевать, всё равно. Жил человек, жил, а потом перестал. Между нами давно не осталось ничего общего, кроме фамилии и редких звонков по праздникам. А потом не стало и звонков. Я даже испытал некоторое облегчение от его смерти, он хотя бы перестал мучаться. Так почему сейчас? В суеверия я не верил, так что «он хотел что-то мне сказать» не рассматривал как вариант вообще. Видимо, какая-то хитрая игра мозга. В ответ на какие-то внешние раздражители он подсунул мне лицо покойного отца в последний день. Но что это за раздражители? Перебрал день по косточкам: необычное утро, необычная смена, обычный кофе. Информации не хватало. Пальцы начали разжиматься. Наученный прошлым опытом я поставил недопитую банку пива на тумбочку рядом с диваном. Ковёр сказал бы спасибо, если бы умел. Вот сейчас будет очередная склейка, и день начнётся по новой.

И снова снилось детство. Эти уютные семейные вечера у телевизора по пятницам и воскресеньям. Крутящийся бара-

бан рядом с усатым ведущим, задающим вопросы. Клуб знатоков, отвечающих на вопросы телезрителей. Клуб молодых, весёлых и находчивых, поднимающих настроение всей стране перед понедельником. Экран был маленький, выпуклый, цвета на нём плыли, но нам хватало. Телевизор в те вечера был четвёртым членом семьи — и самым миролюбивым. Я лежал на ковре перед телевизором и болтал поднятыми вверх ногами. Ковёр был жёсткий, колючий, с геометрическим узором — этот узор я помню до сих пор лучше, чем лица одноклассников. Мама просила меня отползти подальше, ведь если смотреть слишком близко, можно испортить зрение. Я отползал на полметра — для приличия — и замирал снова. Отца не было, он опять застрял с мужиками в гараже и, скорее всего, придёт домой поздно и пьяный. Мы с мамой давно перестали ждать его к таким вечерам. Без него было тише и как-то просторнее. Впереди ждали два выходных. Очередной игрок запустил в движение барабан, и тут усатый ведущий посмотрел мне прямо в глаза и сказал: «Минутка чёрного юмора!» Аудитория почему-то не засмеялась. Больше из студии вообще не доносилось ни звука — как будто зрителей унесли оттуда вместе со стульями. Его голос становился низким и тягучим, как будто я слушал его через плеер в наушниках, и батарейки начинали садиться, а плёнка крутилась медленнее. «Внесите чёрный ящик», — сказал ведущий уже почти загробным голосом. Но это была не его фраза, это же из другой передачи. И ведущий, кажется, сам это

понимал: глаза у него были растерянные, как у человека, которому подсунули чужой текст. Сзади, в коридоре, раздался шум. В комнату вошли несколько мужчин, на плечах у них лежал гроб, тот самый, в котором похоронили отца. Они были в одинаковых серых костюмах, шли в ногу и чуть покачивались — гроб был тяжёлый. Или делал вид. Один из них посмотрел на меня и сказал, что родственникам гроб нести нельзя. Голос у него был будничным, как у грузчика, которому не хватило рук. Они развернулись и пошли обратно. Мне было страшно, я посмотрел на маму. Она выглядела совершенно спокойной, так, как будто ничего не произошло. Так же спокойно сказала, что отца надо проводить, и чтобы я шёл следом. Сказала это тоном «пора спать» и «сделай уроки» — и от этого стало ещё страшнее. Я пошёл. Мужики с гробом шагнули за порог квартиры, в черноту. И тут я понял, что там, за порогом, ничего нет. Не темнота — темнота хоть что-то. Не пустота — у пустоты есть края. А там не было вообще ничего: ни пола, ни неба, ни «далеко», ни «близко». Попытка осознать отсутствие вообще хоть чего-либо повергла меня в такой ужас, что я проснулся в холодном поту.

На часах было шесть тридцать. Спать совершенно не хотелось. Встал без будильника — организм, видимо, решил, что выспаться теперь вредно. Со мной явно что-то было не так. Ждать, что пройдёт само, было не в моих правилах, и я отправился в больницу, благо ранний подъём сулил возможность попасть-таки на приём в этот же день. И ночная

смена выпала как нельзя кстати — хоть тут повезло. Быстро умылся, позавтракал и отправился в путь. До больницы было минут двадцать пешком. Утро было серое, недоваренное, и город шёл навстречу мне толпой — я один шёл против. На подходе поймал себя на мысли, что всё происходящее опять напоминает детство — вот светятся окна больницы, но кроме меня никого. Когда зимой отменяли занятия из-за низкой температуры на улице, а ты пропускал оповещение и всё равно шёл. Приходил один и учился, ведь «ты уже пришёл». И чувство было то же самое: оповещение получили все, кроме тебя. Появилось стойкое желание развернуться и уйти домой, пока не поздно. Ноги сами замедлились, как будто кто-то взял меня за рукав. Но я не маленький, сейчас не зима, и это не школа. В регистратуре никого не было. Даже кофейный автомат стоял выключенный, а эти штуки, по-моему, не выключают никогда. Я быстро получил талон к терапевту и пошёл к указанному кабинету. Пробравшись через катакомбы подвала и поднявшись на лифте на шестой этаж, я удивился ещё сильнее: в больнице шёл ремонт — вернее, был виден ремонт, который особо никуда и не шёл. Стены стояли в подмазке, на полу лежал картон, и всё это выглядело так, будто рабочие вышли покурить лет пять назад. Перед кабинетом также никого не было. Куда пропали очереди? Где вечные бабули, занимающие места во всех кабинеты подряд с шести утра? Это пугало. Пустая больница хуже полной: полная хотя бы работает, как состав на ли-

нии. А эта будто стояла в оборотном тупике. Я постучал. Из кабинета раздалось: «Войдите». Внутри всё было как обычно, и я немного расслабился. Кушетка, ширма, градусники в стакане, плакат про прививки — мир встал на место, как вагон на рельсы. Врач выслушал мой сбивчивый рассказ, записал что-то в карту и вынес диагноз — нервы. Дежурный диагноз на случай, когда анализы в норме, а человеку худо. Посоветовал отдохнуть, попить ромашки, а если не поможет — попробовать записаться к психиатру, он выпишет антидепрессанты. На всякий случай лучше записаться уже сейчас. На вопрос «зачем?» загадочно ответил: «Скоро узнаете» — и подмигнул. Кажется, врачи не должны подмигивать.

Вечерняя смена начиналась в шесть часов. Из больницы я вышел в девять утра. Чем-то надо было заняться до работы. Сходил в аптеку за ромашкой. Заварил дома. Попил. На час свободного времени меньше. Ромашка пахла сеном и детством — тем самым, безоблачным его куском. Пил её и чувствовал себя дураком: как будто чиню двигатель состава чайной ложкой. Эффекта от ромашки не последовало, но врач предупреждал — накопительный эффект. Ну ладно, пойду гулять по чудному городу, наслаждаться весной и пить свой любимый кофе. Вот он-то меня никогда не подводил. Горький, горячий, честный. Не лечил и не обещал никаких эффектов — просто работал. В сквере было не очень многолюдно. Половина лавочек была свободна, и я выбрал одну на солнышке. Ту самую, у пруда: утки при моём появлении

отчалили как по расписанию. Устроился поудобнее, сделал глоток кофе и закурил сигарету. Что же это было за подмигивание? И почему в больнице было так пусто? Неужели, находясь под землёй, я пропустил что-то интересное и человечество наконец победило простуду? Громкий апчхи с соседней лавочки развеял мои фантазии, а не менее громкое сморкание окончательно поставило на них крест. Спасибо, сосед. Диагноз человечеству: сезонный и неизлечимый. Появилось странное чувство жжения на лбу. Солнце? Нет, оно пригревало, но ещё далеко не жгло. Напротив сидел молодой человек, глаза были полузакрыты, немигающий взгляд был остановлен на мне. Так смотрят в окно поезда или на монитор: вроде на тебя, а на самом деле — сквозь, в какую-то свою даль. Так вот что это — чувство пристального взгляда. Играть в гляделки я не собирался и поэтому изредка поглядывал на оппонента. Он не шевелился вообще и, кажется, даже не моргал. Рот был слегка приоткрыт. Выглядел вполне опрятно. Спиртного рядом не было. Наверное, наркоман какой-то, витает в своих наркомирах. Объяснение нашлось сразу, аккуратное и привычное. Мозг уже тянулся за бумажкой для подписи. Стало немного неуютно. Я допил кофе, потушил окурок, встал и направился к выходу из сквера. На выходе ещё раз оглянулся — паренёк не поменял ни позы, ни взгляда. И смотрел он не на выход, не вслед мне — на то самое место, где я сидел. Как будто я с него и не вставал. Выглядел он жутковато.

Часть ночной смены я откатал без особых происшествий. Разве что видел ещё пару раз людей, похожих на парня в сквере, на станциях. Ох уж эта наркомания. И только тут меня кольнуло: таких людей я видел и раньше. «Стеклянные глаза», «пустота в пальто» — я же сам их так называл, много лет подряд. Просто раньше они хотя бы ходили. И моргали. Ночная смена была самой неудобной. Откатав часть смены, надо было довести поезд до депо и отправиться в специальную комнату, в которой надо было поспать и отдохнуть несколько часов. Узкая койка, плед, розетка для телефона и тишина — такая глубокая, что слышно, как где-то за стеной гудят кабели. Будильник заводить было не обязательно. В депо был специальный человек, который знал кого и во сколько будить. Он обходил комнаты с расписанием в голове и стучал в двери точнее любого электронного будильника. Да и годы ночных смен приучили организм просыпаться без посторонних усилий в нужное время. Сон не шёл. Мысли в голове крутились вокруг событий последних дней. Слишком много странных лиц, слишком много странных снов и происшествий. А что, если всему виной та вспышка света в метро? Что, если она каким-то образом подействовала на мой мозг? Где-то же я читал про жуткие исследования по воздействию световых волн на человеческое восприятие. Но там были исследования бесчеловечные, в военное время, и вроде бы они не увенчались успехом. Или увенчались? А может, просто сменили адрес и табличку на двери. За закрытыми

глазами мозг начал рисовать диковинные картины врачей в тёмных халатах и очках, их жертв со стеклянными глазами, и уже на границе сна картины дополнились строками нелепой детской песенки: «Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши мальчишки?..» — которые повторялись на репите. Песенка крутилась ровно, без начала и конца, как кольцевая линия. Склейка.

Проснулся как всегда — за несколько минут до подъёма. Лежал и ждал, когда дежурный придёт меня будить. Прошла минута, две, назначенное время было позади, но никто так и не пришёл. Странно это, обычно тут всё работало как часы. За все мои ночные смены такого не случалось ни разу: расписание в депо было святым. Встал сам и пошёл умыться, завтракать, собираться. За двадцать минут управился со всеми делами. Дежурного так и не было. Выдвинулся к составу, заглянул в комнату к дежурному. И вот опять. Стеклянные глаза, пустой взгляд в монитор. Как у того парня в сквере — один в один, только форма и галстук. Он дышал, но не шевелился и, кажется, даже помочился под себя, запах был специфический. Проверять не стал. На мониторе был открыт новостной сайт, заголовок на странице гласил: «Жизни обычных людей никогда не будут прежними». Ох уж этот клик-бейт. Хуже заголовка была разве что картинка под ним — счастливая семья у белого забора. По дороге к поезду быстро сообщил по телефону о состоянии дежурного куда надо, мало ли, может, ему скорую помощь надо вызвать. Своим

ходом он бы до больницы не добрался — это я понимал и без медосмотра. И отправился в туннели ещё на несколько часов. Утренние часы самые спокойные. Небольшое количество сонных людей снуёт туда-сюда, изредка натываясь друг на друга. Смена заканчивалась ровно в то время, когда основной поток людей устремлялся на работу. Самым сложным в ночной смене было выбраться из метро. Все идут вниз, а ты вверх. Кивнул коллеге при смене машиниста в кабине и начал пробираться на улицу. Люди толкались, спешили, не замечая никого вокруг. Казалось, ещё чуть-чуть — и они начнут забираться друг другу на плечи и перелезать через головы. Обычно толкали меня, это чувствовалось по нажиму на плечи. Но тут кого-то толкнул я. Хрупкая девушка. Чуть не упала от моего толчка. Я успел подхватить её под руку. Начал было извиняться, но ужаснулся, когда увидел её лицо. То же лицо, что у парня вчера в сквере, что у дежурного в депо. Я слегка потряс её и спросил, не нужна ли ей помощь. Но глаза смотрели сквозь меня. В ту самую даль, куда смотрел парень в сквере. Пробравшись до дежурной по станции, попросил её прислать помощь для девушки и отправился на улицу. Свежий воздух заставил забыть на время обо всех невзгодах. Я отошёл от входа в метро на несколько сот метров и закурил. Самое время проверить новости, вдруг это какая-то новая пандемия и о ней уже пишут. Вспомнил утренний заголовок на мониторе дежурного. О пандемии не было ни слова. Но мир изменился. И изменился, судя по все-

му, вчера вечером. Эксперты писали об изменениях спокойно и обстоятельно, как о вещи, которой сто лет: со статистикой, с графиками, с «первыми итогами». За одну ночь не родить ни графиков, ни итогов. Но они были. Государство наградил нас аукционами на те вещи, которые раньше были либо условно бесплатными, либо и того хуже, платными. Теперь, чтобы попасть на приём к врачу, нужно было выиграть аукцион. Кто больше заплатил, тот и идёт. Если тебе надо было вызвать наряд полиции — аукцион, кто больше заплатил, тот и в безопасности. Объяснялось всё это просто: налогов не хватало на обслуживание всех, людей не хватало на обслуживание всех, и господа в пиджаках не придумали ничего лучше. Ну да, у них-то деньги водились. Мне вспомнился врач и его подмигивание. «Скоро узнаете» — вот и узнал. Он-то уже знал. Без аукционов всё ещё можно было купить набор базовых продуктов, школьные принадлежности и кое-какие лекарства. Продукты, тетрадки, лекарства — по-старому. Всё остальное — кто больше заплатил. Я листал ленту до конца и обратно, и одна мысль становилась всё твёрже: на мою машинистскую зарплату аукцион к психиатру мне не выиграть никогда.

Отоспаться после ночной смены вышло плохо. Сон был тревожный, я то проваливался в черноту, то вдруг резко просыпался, весь в холодном поту, ворочался, чесался, пытался вновь уснуть. Один раз приснилась дверь. Просто дверь — и то самое «ничего» за ней, без пола, без неба. Я вырвал-

ся из этого сна рывком, как вырываются из чужих объятий. В перерывах между провалами я слушал улицу за окном — вернее, слушал её отсутствие: машин стало заметно меньше, а голосов не было вовсе. В очередной раз проснувшись, решил, что хватит себя терзать дурацкими попытками выпать свои восемь часов днём, в виде исключения хватит и шести на сегодня. На улице ещё было светло. Голова гудела, как чугунный колокол. Лицо в зеркале, кстати, снова было моё — я проверил первым делом. И не решился порадоваться. Надо было сходить в магазин, пополнить запасы провианта, да подышать воздухом. Мозг постоянно что-то тяготило, не уверен в описании этого чувства, но я бы идентифицировал его как ментальную тошноту. Мутило в голове. Будто мозг съел что-то несвежее и теперь не мог ни переварить, ни вернуть обратно. Вчерашний день вспоминался с трудом, как будто через вату какую-то проступали обрывистые воспоминания. Аукционы, чёрт бы их побрал. Воспоминание отозвалось тупой болью в затылке. Что же меня ждёт в магазине? Неужели придётся торговаться за пару банок пива и пачку сигарет? Умылся на скорую руку, натянул недырявые треники, майку без пятен и пошёл. Предчувствия были мрачные. И они не подвели. На улице было пустынно. Город как будто заболел и слёг: окна молчали, магазины темнели, даже голуби куда-то подевались. Никто не спешил домой с работы. Редкие прохожие шли быстрым шагом и смотрели под ноги. Через пять минут я поймал себя на том, что тоже смотрю под ноги. Тро-

туар был обычный — а вот смотреть на город вокруг не хотелось. У магазина галдела стайка местных завсегдатаев-алкашей. Кажется, их жизнь мало изменилась. Рядом с ними сидел опрятно одетый дедушка в пальто и сверлил взглядом асфальт. И вот опять. Алкаши галдели, как воробьи над кормушкой, а он сидел среди них, как выключенный фонарь. Спросил у местных, знают ли они деда. Сказали, что видели его пару раз на районе, но он всегда мимо проходил, брезговал. А тут вдруг подошёл пару часов назад, сел и сидит — никуда не уходит, не двигается, пить не пьёт, не говорит. Они на него просто внимания не обращают. Позавидовал им в эту минуту. Может, в этом и был их секрет — не обращать внимания. Попросили подкинуть им шкалик водки, по возможности. Ничего обещать не стал. В магазине тоже было пусто. Не ходили между полками покупатели, не сновали работники, раскладывающие товар и расставляющие ценники. Полки стояли полные и никому не нужные, как музей двадцатого века. Где-то в глубине бормотал холодильник — единственный, кто в этом магазине ещё работал. Несмотря на утренние нововведения, особых изменений заметно не было. Захватил даже шкалик местным алкашам — надо поддерживать отношения. Кто его знает, каким будет завтрашний мир, — а они тут останутся в любом. Дошёл до кассы — и всё. Женщина-кассир смотрела пустым взглядом перед собой. Не спала — глаза открыты. Просто внутри её никого не было, как не было никого за стеклянными глазами людей со станций. И

чего мне делать? Деньги в руке вдруг стали неловкими, как чужие. Торговаться с ней, что ли? Повышать ставку? «А вы оставьте деньги ей под руку», — посоветовал суеющийся рядом дедушка-охранник, который явно был в лёгком подпитии. Суетился он по-стариковски: кругами, мелкими шажками, с видом человека, который уже час ищет очки, надетые на лоб. На вопрос «давно так?» ответил: сегодня днём она хотела записать сына на операцию, но утром ввели эти аукционы треклятые, дык она сначала ревела, а потом вот так. У сына её, выходило, операция. У операции — аукцион. А у кассирши — оклад. Что делать дальше дедушка не знает, из начальства никто трубки не берёт, как магазин закрывать тоже не ясно. Посоветовал деду вызвать скорую для тёти. Совет, прямо скажем, был так себе — я и сам видел, как теперь работают скорые. Но надо же было что-то посоветовать. Оставил деньги, хоть и подозревал, что дед их подрежет, как только я уйду. Под радостное улюлюканье вручил местным алкашам шкалик и отправился домой. Пара пива и унылый сериал должны довести меня до клейки, как всегда. Утро вечера мудренее.

И только я устроился на диване, вспомнил, на какой серии остановился, вспомнил, что ни черта особо из сериала и не помню, открыл заветное пиво, как из коридора донёсся звук. Будто бы кто-то провёл сухой тряпкой по двери, медленно, с нажимом. Звук был такой, что его скорее угадываешь спиной, чем слышишь ухом. Пришлось оторвать зад от

насиженного места. Я заглянул в дверной глазок — ничего. Подъезд пах как всегда — кошками и чужими супами, — и от этой обычности стало только хуже. Попытался открыть дверь, но с первой попытки ничего не вышло. Что-то упиралось в дверь с той стороны. Дверь поддалась со второй попытки — звук сухой тряпки, только теперь по полу, раздался из подъезда. Что-то ударилось в стену у двери. Высунув голову, я обнаружил молодого мужчину, который, видимо, упёрся спиной в мою дверь, съехал по ней, а теперь, когда я его отодвинул, его голова уткнулась в стену. Лет тридцати, в куртке-ветровке. Ещё вчера он куда-то шёл, о чём-то думал, кого-то, может быть, любил. А сегодня съехал спиной по моей двери, как мешок. Да чтоб тебя, только этого мне сейчас не хватало. Все симптомы были налицо. Стекланный взгляд, полное отсутствие интереса ко всему происходящему вокруг. Переместил страдальца спиной к стене, аккуратно прислонив голову туда же. Что с ним делать-то? Оставить как есть? Так он будет ходить под себя, как дежурный утром в депо. Попробую вызвать полицию. Набрал номер. Вместо бодрого человека меня встретил голос робота на том конце. Робот говорил со мной ласково, как с клиентом. Пожалуй, роботы были теперь самыми живыми существами в городе. Меня известили, что как раз пять минут назад начались очередные торги на вызов наряда. Озвучили шаг ставки и уточнили: «текущая ставка...» — столько денег у меня не было. «Чтобы сделать свою ставку, нажмите...» — монотонно

продолжал робот. Но я уже положил трубку. Попробовал вызвать скорую помощь — история повторилась. Только ставка была выше: жизнь, выходит, дороже порядка. Как мы попали в такое настоящее? И когда? Позавчера всё было как всегда: смены, кофе, сериал. Мир не падал — он сходил с рельсов тихо, по одному человеку. Делать было нечего, не тащить же его к себе. Тем более, вдруг это заразно? Впрочем, я уже перетаскивал его руками — бояться было поздно, и эта мысль почему-то успокоила. Я вернулся домой. Пиво сегодня шло гораздо быстрее. Было чувство, что алкоголь разгоняет мозг. Хоть и клонило в сон. Ну не мог я оставить его просто так. Отыскал старое одеяло, набрал в бутылку воды. Ещё раз вышел в подъезд, страдалец был на месте. Я осторожно укрыл его одеялом и поставил рядом бутылку. Одеяло в детстве было надёжнее любых стен. Может, и сейчас защитит. От чего — я не знал. Большого я сделать не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.